

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.016

СЕМАНТИКА ГОРОДА

В.В. Ильин¹, И.А. Кокоева², П.Н. Родин², А.В. Шимко²

¹ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Калуга

² ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи

Исходя из имманентных задач семантики как рефлексивной дисциплины, уточняющей status regum абстрактных моделей, развертывается объемный план градостроительного проектирования. С позиции учета как интерпретационных, так и реификационных определений оцениваются платформы традиционной и модернизационной урбанизации, включая оппонирующую ей рурализацию, квалифицируются перспективные метатенденции рассматриваемого общецивилизационного процесса.

Ключевые слова: урбанизация, рурализация, репрезентирующая идентификация.

Семантика – наука о содержательном моменте знаково-символической деятельности, нацелена на решение двойной задачи: (1) приписания смысла; (2) выявления значения. В рамках реализации общего профессионального призвания семантики (1) снимается развертыванием интерпретации; (2) – объективации.

(1) интерпретация – герменевтическая процедура, осуществляет истолкование, достигает образной трактовки существа явлений посредством атрибуции, характеристики, предикации – введения признаков содержательных групп. В зависимости от качества, определенности последних меняется идейный рисунок постигаемого, возникают картины, ментальные изображения, сценографии реальности, обусловливаемые вариациями умозрения. Фикс-пункт интерпретации – нюансировка понимания – исходная позиционность, интенциональность мировосприятия, обслуживаемая актуализируемым запасом языка, репрезентирующими конструкциями, плодотворно (с точностью до наперед очерчиваемых рубежей) акцентуирующими грани отображаемого.

(2) объективация – субстантивирующая процедура, производит материализацию, реификацию абстракций, устанавливает денотативные поля версифицирующего, референциальные прообразы вообразительных (фиктивных – от fiction) допущений. Сверхцель референции – корреспонденция – предметное воплощение более или менее свободных (необязательных) тематизаций, замыкание продуктов расширяющего мыслительного синтеза на визуально удостоверяемые (в идеале) положения дел. (Отсюда – мощная гносеологическая тенденция остенсилизации образных ресурсов в достижении tatbestand).

В пределах (1) и (2) просматривается веер оригинальных самодостаточных платформ, поставляющих как тематизацию, так и реификацию многогранной урбанизации.

По части (1) упомянем:

– «город-полис»: европейский путь индустриальной, культурной, инновационной ориентированности градостроительства от греческих городов-государств, имперских центров А. Македонского до современных мегаполисов стран – технологических лидеров;

– «город-резиденция»: азиатский путь аграрно ориентированного жизневоспроизводства с пространственной локализацией иерархических статусов – от восточных резиденций, храмовых ассамблей, местопребываний правителей, высопоставленных лиц, номенклатуры до состоявшихся и несостоявшихся проектов городов-столиц – Бразилия, Новая Москва;

– «здание-город»: массивная массовая типовая городская застройка, обеспечивающая размещение узко направленной производственной (окраинные промзоны); культурной, финансовой, управленческой (центр); субъектной (спальные районы) базы интенсивной модернизации.

Согласно данным стереотипам организации городской среды разветвляются фундирующие их образы-матрицы:

– «град небесный»: ап. Павел – «не имеем здесь постоянного, но ищем будущего» [3];

– «град земной – град божий»: дихотомизация «греховного» – «праведного» поселения – Августин;

– «город – государство Солнца»: утопический поселенческий центр грядущего – Ямбул, Кампанелла, Хлебников, А. Белый. (Поражает, что захваченные «громадьем планов» радикального преобразования жизни интеллектуалы XX в. – В. Хлебников, А. Белый ратовали за «город Солнцестана» – средоточие Будрых (мудрых, бодрых, будущих [13, с. 119, 598]); «солнечный град» – «город Взыскуемого», который следует брать не «с точки зрения научной значимости» – она невелика, но с точки зрения значимости «первых образов», на коих «лежит печать глубокого организма» [10, с. 45]);

– «город земли обетованной»: идеологема «солнцеловности» общезжития в разработке Хлебникова – «солнцеловность», Маяковского – «прыжок в будущее» (футуризм); Клюева – «солнцеловность» (мистический символизм); Терентьева «солнцеализм» (авангард); А. Белого – «соционал» (символизм);

– «город – сад»: рукотворная «земля обетованная» – суперкомфортная среда повседневного обитания сродни «райским кущам» – месту воплощения обилия и благодати (от Маяковского конца 20-х и Ремарка середины 40-х гг. XX в.);

– «город – мечта»: здесь правильнее перейти на поэтический слог, вспомнив Н. Тихонова:

Мир строится по новому масштабу.

В крови, в пыли, под пушки и набат
Возводим мы, отталкивая слабых,
Утопий град – заветных мыслей град.

Как назидал ап. Павел: «... когда я молюсь, на *незнакомом* языке, то хотя дух мой и молится ... ум ... остается без плода» [9].

Молитвы-заклинания солнцеловов-мечтателей (революционных романтиков и типа М. Кульбака), к великому сожалению, словно произносясь на *незнакомом – неведомом* языке, оказывались непонятными – непередаваемыми на изложение доступных мыслей, в том числе, по причине подрыва очевидного поэтического завета:

Смотри без суеты вперед;
Назад без ужаса смотри
(Бродский).

Поэтические образы – результат восторга перед миром; какой же восторг перед новым, создаваемым по мечте миром мог испытывать укорененный в реальность человек, становившийся невольным участником разрушения мира старого. Скорее всего, переживая досаду, он пополнял ряды антагонистов – нещадных критиков урбанизации.

Достаточно устойчивая тенденция неприятия градоустроительной инициативы (ср. – Пушкин: город – античеловеческая среда, где

Люди в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов.

Аналогичная тенденция – в толстовском «Воскресенье», осуждающем «поход» города на природу.) отображается идиомой «город – убийца» – творчество символистов (от Верхарна до Брюсова – с образом «города-спрута»), натуралистов (Крецер, Нелиф, Хольц, Шлаф); крестьянских поэтов (Клюев, Карпов, Клычков, Орешин, Ширяевец), воспринимавших наступление на традиционный сельский быт – «коня живого» – исчадья ада – городского «коня стального»:

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь
(Есенин).

В дальнейшей более рефлексивной обработке метафоры-идиомы замещаются нозматическими социально-философскими, макросоциологическими моделями, – как-то:

– «город – производственно-технологическая база индустриализации» – труды советских обществоведов, экономистов, политических географов, отстаивавших кондовый формационный подход с тезисом примата базисных отношений над надстроечными;

– «город – антропокультурная существовательная среда» – труды сторонников цивилизационного подхода, опирающегося на философско-антропологическую, глобально-экологическую, социокультурную парадигму.

Антиурбанистическая платформа представлена антицивилизационными воззрениями Руссо, Карпентера; руралистическими моделями Тоффлера (электронный коттедж), радикальных критиков глобализма (Маркос); идеологов «культурной революции» (Китай, 1966–1976 гг.), красных кхмеров (Кампучия 1975–1979 гг.).

По поводу (2) – собственно материального воплощения урбанизма – констатируем следующие характерные тенденции новейшего времени:

– инкорпорация в продвинутые антропогенные ареалы цивилизационно развитого Севера цивилизационно отсталого Юга. Являясь социально-исторической (не географической!), пикировка Север-Юг в нужной нам транскрипции обретает черты противостояния гудленд-бедленд [4, с. 57]. Речь – о наполнении достаточно комфортных зон мегаполисов Севера аллохтонным инфильтратом Юга с последующей анклавизацией, автономизацией районов компактного проживания этнических мигрантов, маргиналов, нелегалов, по своей жизнепроизводственной социальной, экзистенциальной культуре выбивающихся из принятых стандартов существования. Фактически имеет место квантование социально-политического контура с образованием «серых точек» отчуждения, не допускающих интеграции в плотный (исключающий разрывы) внутренне конформный общенациональный континуум. Учитывая всевозрастающее давление пришельцев с Ближнего, Среднего Востока (тем более ввиду обострения израильско-палестинского конфликта), Центральной Азии, Северной, Западной Африки на Италию, Францию, Испанию, Германию, Швецию, Грецию, Великобританию; Латинской Америки – на Нидерланды, Португалию; Центральной Америки – на США, Канаду; Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока – на Россию, – картина обретает черты острого всемирного антагонизма;

– активация встречных потоков человеческих масс по векторам: «из города – в деревню» (а); «из деревни – в город» (в). Типаж (а) – рурализация под двумя видами: 1) социальный отток зажиточного населения из теснин пространственно ограниченной городской среды обитания на простор деревенской жизни с целью обретения экологических, экзистенциальных преимуществ; 2) сознательный приток инициативного населения (в том числе соотечественники-репатрианты, эмигранты) на малоосвоенные территории села с целью обретения социальных преимуществ.

Типаж (в) – урбанизация под видом целенаправленного движения селян в города для повышения качества собственной жизни: трудоустройство, доступ к социальному обеспечению, материальным благам,стройка в отлаженные образовательные, культурные, коммуникационные процессы.

Обе тенденции объективны, но в своей интенсивности объективно же ограничены; пределы (а) – (в) – типологичны; и это – суть – лимиты:

– природные: для (а) – хозяйственно неосвоенных земель; для (в) – эффективности, оптимальности налаживания способа жизнеподдержания

(в ситуации непомерной скученности населения, дефицита ресурсов, деградируемости экосистемы и др.);

– культурные: для (а) – несамодостаточность управления, – в генерализации используя мысль Кафки: как это люди на периферии безропотно всякому столичному распоряжению подчиняются [8, с. 328]; для (в): невозможность действенного управления сверхсложными системами, требующими (по теореме Эшби) для собственного управления создания уже неуправляемых суперсложных систем;

– иррадиация «центров силы», имея в виду как внешне, (а) так и внутривнутриполитический (в) аспект.

(а) непосредственно верифицируемая тенденция разрушения линейной последовательности передачи доминирующих полномочий от одних городских центров другим. Концепцию «выделенных» (главных) городов – средоточий функций активно поддерживал Аттали [1], использовавший достаточно архаичный образ концентрации влияния (торгового, финансового, властного) в тех или иных пунктах (Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам и др.). В условиях оформления полицентричной системы мира имеет место рассеяние прерогатив, привилегий; не существует «выделенных» систем координат принятия судьбоносных ответственных решений. В общем и идеальном случае, – исключая какой бы то ни было диктат («рука» Вашингтона, Москвы, Пекина и т. п.), – на базе консенсуальных толерантных установок выносятся приемлемые делиберативные вердикты.

(в) на фоне преимущественной социально-политической административно-управленческой роли столицы (ср.: Ленин – Петроград «сделал революцию для России») повышается удельный вес нестоличных поселений, играющих роль общенациональных культурных (Питер), технологических (силиконовая долина), научных (Новосибирск), курортных (Сочи) и т. д. центров.

Данному тренду отвечают и принимаемые рядом стран (Россия, США, Германия, Румыния, Польша) программы перепрофилирования специальных производств (следовательно, изменения структуры занятости) в моногородах, выправления социально-экзистенциальной асимметрии «больших-малых городов» (посредством стимулирующих дотаций, субвенций, закрепления квалифицированных кадров – опыт Тулы по привлечению медицинского персонала);

– деиндустриализация современных (в первую очередь – больших) городов, причинами чего выступают главным образом три фактора: 1) – экология, ухудшение которой, препятствуя разбуханию городской черты, востребует ее оптимизации, а следовательно, – выведения масштабных и вредных производств за пределы массовой застройки; 2) – объективные количественные соотношения жителей в городе и деревне: все не могут проживать в городе ввиду нехватки не только жилищных, но и продовольственных ресурсов; кто-то должен снабжать город сельскохозяйственной

продукцией; 3) – стремительный прогресс сетевой организации жизнепроизводственной деятельности, влекущей девальвацию роли города в качестве локомотива общественных трансформаций;

– концентрация населения (по высказанным ранее соображениям – до максимальной плотности в черте города порядка 80–90 % проживающих). Согласно глубокой модульной теории социума, совершенно объективны параметры длительности, численности, количественной определенности стандартных общеизвестных социально-политических явлений. Подспудная причина – принцип оптимальной, эффективной, достижительной организации (ср.: вариационные принципы механики) общественных процессов, – структурная гармония и дисгармония антропных систем, фундируемые числовой пропорциональностью групповых связей [5, с. 144].

В более развернутом виде: отношения меры (числовой пропорциональности) в социальной и политической философии, макросоциологии получают интерпретацию в терминах модели самоорганизации: при придании неким пропорциям функционального толкования возникают количественно детализируемые интервалы – верифицируемые уровни «равновесности, упорядоченности, сохранения, изменения» [5, с. 144]. Генерализацию фактического воплощения последних предложил А.А. Давыдов в компактной таблице [2]

Пропорция	Функция
1,000	равновесие
1,237	развитие новых элементов
1,618	развитие новых свойств
2,236	развитие новых отношений
2,237	баланс сохранения и развития
4,236	сохранение сложившихся отношений
8,434	сохранение сложившихся свойств
16,857	сохранение сложившихся элементов
99,000	коллапс

С целью проведения качественной оценки характера связей пропорций с функциями применительно к нашей сюжетике ограничимся констатацией: «базовый для функции развития интервал охватывает значения в диапазоне от 1,237 до 2,236, среднее геометрическое которых равно 1,618; оно отвечает золотому сечению, являющемуся основой гармонически композиционных построений» [5, с. 145]. В кильватере социально-исторической разработки фундаментальных социальных констант (ФСК) [6; 7] положение дел воспринимается как тенденция обретения оптимумов [5, с. 145].

С точки зрения макросоциологической оценки, когда доля городского населения перекрывает показатель 70 %, стремительность его наращивания снижается; когда же она достигает 80 %, – приостанавливается [11, с. 685], что объясняется очевидными объективными основаниями недостижимости всеобщей урбанизированности.

(Для сравнения: в высоко технологичных странах с авангардным индустриализированным сельскохозяйственным производством доля проживающих в городах колеблется от 91% (Великобритания) до 89% (Австрия, Израиль);

– политизация географии. Выделенная – монополюсодоминирующая роль центров – средоточий не полномочий, но символов (что не отменяет указанной выше оптимизирующей управление сложными общественными системами, продиктованной демократически инспирируемой самоорганизации снизу иррадиации). Символов – олицетворений самопонимания, идеальных образов, схем самостояния единиц человечности. С гносеологической точки зрения проводится персонифицирующая идентификация – город наделяется воплощением гипостазируемой субъектности. На данном основании, скажем, Барселона (с позиций диаметрально противоположных социально-политических предпочтений) объявляется оплотом, то независимости, свободы, то – сепаратизма, экстремизма. Аналогично перекрывающая уже городские коннотации пикировка «Тель-Авив» – оккупированный им в июне 1967 г. находившийся ранее под управлением Египта «сектор Газа».

Из более ранних исторических противостояний – твердынь маркирующих политические стратегии городов, укажем на социально-политический антагонизм Новгорода – (олицетворение народно-вечевого начала) – Москвы (олицетворение авторитарно-коронного начала).

Аргументы всецело охватывают диссонансы «город – пригород», где первое – локус комфортной, второе – некомфортной жизни. Соответственные деформации поселенческого опыта районирования прослеживаются в функционировании современных мегаполисов – Лондона (где в центральных районах типа аристократического Chelisy говорят на king's english, и периферийными рабочими кварталами, где говорят на sockney, памятуя и о мигрантских кварталах, где вообще не говорят по-английски); Нью-Йорка, Лос-Анжелеса (с автономией негритянских трущоб, china towns); Новой Москвы (с сепаратизацией выходцев из Средней Азии) и т. п.

На неинтегрированность периферийного «пригорода» в дела центрального «города» указывают многочисленные специфические массовые выступления аллохтонов (мегаполисы Европы, США, Канады), заявляющих идущие в разрез с национальными частные эгоистические интересы.

Обоснованное беспокойство правительств вызывает направленно-ненаправленная трансляция хаоса, вводящая в турбуленцию некогда ламинарный ток жизни относительно неполитизированных областей. Рельеф-

ное тому свидетельство – «горячие» беспорядки – импликации израильско-палестинского противостояния – в Марселе, Афинах, Махачкале и др. 29.10.2023 г.

Семантическая маркировка смыслов-значений не в выразительной, а в соотносительной плоскости, очерчивая как содержательную (смысловая определенность), так и сущностную (предметная определенность) значимость рассматриваемого явления, позволяет довести исследовательский процесс до некоей обязывающей конкретики, где теоретическое суждение (дискурс) последовательно перетекает в практическое суждение (решение).

На фоне сказанного, прежде всего, правильно подчеркнуть:

1. Нереализованность прогноза Менделеева о «естественном» пределе роста городов, обусловленного неразрешимостью проблемы утилизации навоза от используемой извозчиками гужевой тяги.

2. Прозорливость прогноза (1962 г.) Маклюэна о превращении городов в центры производства информации, конституирующего становление коммуникационно плотно сбитой «глобальной деревни» с ярко выраженным сплачивающим эффектом «непосредственного» общения.

3. «Деревенский» непосредственный стиль обмена деятельностью рассчитан на специфические экзистенциальные экспектации – систему взаимных ожиданий (образующих консолидированное сообщество контрагентов) относительно исполнения (невзирая на персональные и ситуационные особенности) совершенно предсказуемых приемлемых ролей.

В данном контексте вслед за Фукуямой допустимо пользоваться фигурой «взаимное доверие» [12], представляющей социально-психологическую основу взаимоотношений людей, базис их инициативной самоорганизации.

Задолго до Фукуямы фактически о том же явлении (до информационной революции) говорил Тоффлер [14], предполагавший развертывание самоуправляемых демократических ассамблей. Его прогнозом, правда, не суждено сбыться (равно как его предположению об избавлении власти от технократов).

Не оправдались также представления канадского социолога о трансформации современного социума в праптопию с собственным замещением урбанизма рурализмом в замкнутом надомном контуре («зеленого») электронного коттеджа [15; 16].

4. Не теснясь рурализмом, – вопреки протестам альтернативной (негородской) цивилизации, – урбанизм набирает обороты, выполняет универсально значимые социализационные, культурные, образовательные, информационные, управленческие функции.

Список литературы

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 285 с.
2. Давыдов А.А. Модульная теория социума. // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Изд. СПб ун-та, 1996. Вып. 2. С. 57–71.

3. Послание к Евреям, 13:1 // Библия Онлайн, 2003-2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/heb-13.14/> (дата обращения: 12.09.2023).
4. Ильин В.В. Метафилософия. Поэтика философии. М.: Проспект, 2021. 160 с.
5. Ильин В.В. Философия истории. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 380 с.
6. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 283 с.
7. Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.В. Россия: опыт национально-государственной идеологии. М.: Изд-во Московского университета, 1993. 232 с.
8. Кафка Ф. Превращение. М.: АСТ, 2020. 416 с.
9. Первое послание к Коринфянам, гл. 14, 14 // Библия Онлайн, 2003-2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/heb-13.14/> (дата обращения: 12.09.2023).
10. Лавров А.В. Рукописный архив А. Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник РОНД. 1978. Л., 1980.
11. Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 861 с.
12. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 123–162.
13. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.
14. Toffler A. Future shock. N.Y.: Bantam Books, 1970. 284 p.
15. Toffler A. The Adaptive corporation. Aldershot: Bantam Books, 1985. 228 p.
16. Toffler A. The Third Wave. N.Y.: William Morrow and Company, Inc. 1980. 550 p.

SEMANTICS OF THE CITY

V.V. Ilyin¹, I.A. Kokoreva², P.N. Rodin², A.V. Shimko²

¹ Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Kaluga

² State University of Education, Mytishchi

Proceeding from the immanent tasks of semantics as a reflective discipline that clarifies the status rerum of abstract models, a three-dimensional urban planning design plan is developed. From the perspective of taking into account both interpretative and rectification definitions, the platforms of traditional and modernization urbanization, including the ruralization opposing it, are evaluated, promising megatrends of the considered general civilization process are qualified.

Keywords: *urbanization, ruralization, representative identification.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный тех-

нический университет имени Н.Э. Баумана», Калужский филиал, г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

КОКОЕВА Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи. E-mail: kokoeva@mail.ru

РОДИН Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи. E-mail: pn_rodin@mail.ru

ШИМКО Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи. E-mail: ashimko83@gmail.com

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

KOKOEVA Irina Aleksandrovna – Assistant of the Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining of the State University of Education, Mytishchi. E-mail: kokoeva@mail.ru

RODIN Pavel Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, State University of Enlightenment, Mytishchi. E-mail: pn_rodin@mail.ru

SHIMKO Alexey Vladimirovich – Assistant of the Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education, Mytishchi. E-mail: ashimko83@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2023.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2023.